



Екатерина Малофеева

Бездомные Звезды



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М19

Иллюстрация на обложке — *Radium (@olegredium)*

Малофеева, Екатерина Сергеевна.

М19 Бездомные звезды / Екатерина Малофеева. — Москва : Эксмо, 2023. — 160 с. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-182051-0

«Точные детали, завораживающая звукопись, высокий эмоциональный регистр, раскованная (и рискованная) форма — таковы приметы поэтики Екатерины Малофеевой», — пишет критик Иван Родионов. И действительно: сборник «Бездомные звезды» открывает читателю удивительные созвездия, созданные поэтессой: современные, самобытные и завораживающие, способные подсказать читателю дорогу к новым поэтическим мирам.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Малофеева Е. С., 2023
© *Radium (@olegredium)*,
иллюстрация на обложке, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-182051-0

* * *

разбирали кладовку,
плакали.
успокоились, посмеялись.

книги в стопках, халатик с маками,
швы на клетчатом одеяле.
бытовая археология —
слой за слоем, судьба за судьбами,
мчались месяцы легконогие,
в жизнь слагались: а вместе будем ли?
погремушками и заколками
память полнится.
кружки с тиграми,
на пелёнках — цыплята жёлтые,
ткань мой папа для внука выкроил,
ими прошлое с нами спаяно,
не пожитки уже — свидетели.
рядом с вещным — неосвязаемо
что-то хрупкое, беспредметное.

* * *

мы стены шкурили наждачкой, и пыль ложилась
серебром.
схватила доску неудачно, поранив руку о ребро.
пускай саднит, так легче, легче, и я жива —
пока болит.
здесь банка краски, стол увечный — всё остальное
увезли.
а ты запомни нас такими — как насмерть
ссорились тогда,
мы влюблены, мы молодые, я понарошечно седа.

* * *

проём квадратом небо обрамил,
края обрезав у бескрайней глади.
скучает кот, в окно веранды глядя,
мы для него — аквариум с людьми.
и кружится немного голова,
всё кажется придуманным и странным:
вишнёвый кофе, пахнувший кальяном,
рифмованные лёгкие слова,
витражное старинное стекло.
и по привычке в сумке ищем, ищем
ключи от неуютного жилища,
что к краю нас едва не подвело.
в преддверии, на грани, накануне,
здесь — сад и свет, черёмуха и вьюн,
но мы не знали, что нас ждёт в июне,
и мы не знали, будет ли июнь.

* * *

Прости меня, подруже, исповедай —
я согрешила именем твоим.
Плывёт полынный дух земли нагретой,
цикады стон серебряный звенит
в пороге заговоренной иголкой,
и плачет дочь степного маниту,
которая кричала: «волки! волки!» —
кровавую сырую темноту
с руки кормила, даже не заметив,
как тоже стала волк.

Приходит тьма.
Змеится волглый морок,
обесцветит
живую ложь клубящийся туман.

* * *

звёзды из тёмных нор щерятся зло и сыто,
щурится слепо ночь проблескам габаритным
нашего корабля.
светятся, meine liebe?
каждый из мрака взгляд к нам приближает гибель.
болью моей омыт, чёрный и безголосый,
там, в амальгаме тьмы, зеркалом стынет космос.
млечную муть стекла пробует тихим стуком.
жмурясь, мурлычет мгла, ластится убаюкать.
в смерти ли, в жизни ли, главное — полетели
вечность вдвоём делить в ржавчине колыбели,
мёртвым огнём мерцать ведьминых наперстянок.
и тетивой Стрельца путь в никуда протянут.

* * *

уездный город, тихая контора.
за старыми истёртыми дверьми —
скрипучий пол и стены коридора.
подкрашены оттенками сурьмы
по плинтусам, и муть извёстки сверху,
засиженная мухами вразлёт.
придёшь на камеральную проверку,
томишься тут, пока не повезёт.
болото будней пыльного архива:
в нём секретарь, мешая крепкий чай,
зевает вдруг, протяжно и тоскливо,
мазнув на декларацию печать
«сдано». утробным скрипом вторил
шкафчик,
и тополь за окошком облетел,
и сдавленно в приёмной кто-то кашлял,
и женщины смеялись вдалеке,
и серые тесёмки распустила
захватанная папка на столе.

когда поблёлки синие чернила
в закатном свете, город опустел.
и дремлет бесприсутственное место,
темнеет, выцветая, кабинет.
из чувства раздражённого протеста
на цыпочках с бутылкой каберне
крадёмся в канцелярию с подругой
келейно с разговором вечера.
пусть щурится охранник близоруко
в засаленную жёлтую тетрадь,
мы отрицаем здешней безнадёги
тоску и ряску. Выпили винца —
и распорядок отпускает строгий.
мы молоды, мы вправе отрицать.

но — новый день, и снова картотека,
счета и счёты, вечный чёрный чай,
неотменимо тянется извека
глухого понедельника печаль.

* * *

Отделение патологии.

Иззябшие, голоногие.

На стенах запреты — нельзя-нельзя,
приказ министерства пятнадцать бис,

Всяк заходящий сюда — боись.

Усталая врач говорит:

Сальпингит, тонус, опять лейкоциты повышены,

Я бы вас всех из больницы вышибла,

Старородящие доходяги,

кто же вас стерпит, Господь всеблагий.

В ночнушках порванных, бесстыдно распахнутых,

Дыша контрабандным табачным запахом,

Соседки стращают новеньких

чисткой без обезболивания:

Рогатое кресло ледяные-рукояти

Из кабинета глядит внимательно.

Кто каши не ест, молока не пьёт,

того ночью сестра за собой увезёт,

С каталки скинет, давай не стони,
а с мужем не больно спать?
Это тебе, дорогая, не спа,
Это карательная гинекология.

Ну, не сохранили, не боги мы.
Санитарочка Вера над шваброй бормочет:

«И-и-их,

Женская доля тяжкая, терпите, мои хорошие».

Расходятся после выписки палаточные попутчицы.

Кому — за-вторым-приходите, кому —

в-другой-раз-получится.

Кто — с выписной парадной,

Кто — с чёрного входа украдкой.

И шепчешь, и шепчешь:

Прости,

Прости,

Не всем семенам дано прорасти,

Пусть время на мукомольне

Размелет в пылинки зёрна,

Отмолит сорокоутом.

Но, Боже мой, как же больно.

Но, Боже мой, как же пусто.

* * *

и всё гладила, гладила, как зверька, я зелёную
чашку для молока.
лето дразнит запахом шашлыка из столовой
за поворотом.
не жалеть, бросая, ненужный хлам, эвересты
старого барахла,
раздарю задаром, друзьям отдам, в понедельник
заедет кто-то,
будет спать, обедать и обживать, заправлять
небрежно мою кровать,
и любить, и верить, и горевать, и курить с моего
балкона,
и дружить с соседкой по этажу.
мне без куртки холодно, я дрожу, я жалею, помню
и дорожу,
скотчем клею края картона.
я была привязана — рвётся нить, а края
срастутся — не тронь, ни-ни,

подытожу — Боже, меня храни от внезапного
переезда,
я такое снова переживать не хочу ни разу,
едва-едва
в этот раз справляюсь, пока трезва, но по-детски
внутри — нечестно!
ты на съёмной — пасынок, не родной, только
так хотелось к себе домой,
заливает чёрной глухой тоской, но отпустит.
и невесомо
нарастёт тенётами память вновь, и побеги пустит,
и даст вино
из незрелых ягод,
глядясь в окно
нечужого чужого дома.